

DOI: 10.15643/libartrus-2022.5.1

Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть II: Контроверза: интеллигенция – власть, народ. Печать сиротства

© В. В. Ильин

«Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана»

(Калужский филиал)

Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.

Email: vvilin@yandex.ru

Продолжая открытый статьей в предыдущем номере журнала ответственный разговор о роли интеллигентского слоя в национальной истории, автор предметно анализирует столь специфические свойства российской размышляющей публики, как созерцательность, квиетизм, фарсовость, отрешенность, умствование, отщепенство, влекущие досадное самоустранительное отступничество. Беспечный людический выпуск умозрительных идей, жизненнеобремененных символов, стимулирует блуждания потенетам «нравственного идеализма», радикально разобщил ревнительство о «высших» судьбах интеллигенции с обслуживанием забот «текущего» дня власти, народа.

Ключевые слова: *интеллигенция, власть, народ, перспективы консенсуса.*

Вершина «интеллигенция». «Твое только то, что ты отдал другим», – высказывает Иоанн Златоуст. «Что» и «кому» отдает, способна отдать интеллигенция? Поскольку Россия до недавнего «нашего» времени – вследствие абсолютно ненормальной ситуации всеобщности высшего образования – переживала период массового наращивания немассовой интеллигентской прослойки, ограничим дискурс отнесением мыслей к более или менее нормальной ситуации, где интеллигенция занимает приличествующую ей элитарную нишу общества. При этом референтную область значений рассуждений ограничим оценкой характера самоутверждения исключительно гуманитарной интеллигенции.

Плоскость «что». Исходя из межеумочной онтологической стати интеллигенции, не обинуясь, констатируем: поглощенная самоопределением, интеллигенция погрязает в импловивных самооправдательных поисках. Поиск, искания, искательство – доподлинная аутентичная нива, стихия, стезя интеллигенции, держащейся исповедания: «если все больше людей будет следовать высоко нравственным идеалам, земле будет светлее, лучше, радостней».

Независимо от видоразличий воплощения идеалов инвариантна статья: самопреображение в реверсе – от социальности к нравственности, от социологизма к этизму; идеал овеществляется «подготовленными людьми». На данной ставной платформе группировались абсолютно несхожие (по темпераменту, убеждению, положению) агенты «томленья духа» от Достоевского до веховцев, от народовольцев (Фигнер) до анархистов (Бакунин, Кропоткин), радовавшихся за воспитательную работу над собой, самообновление.

Плоскость «кому». Казалось бы, очевидный ответ – потенциальным потребителям высокого, глубокого – народу, власти – никак не проходит по вполне ясной причине: чем тоньше, заостреннее требующий серьезной преобразовательной работы над собой идеал, тем выше

поднимают над действительностью крылья мысли, вконец разобщая сущее и должное, идеальное и реальное.

Тщательно выписываемыми отрешенными формулами не способны воспользоваться погруженные в пыль будней, прозу жизни ни власть, ни народ. Прибегая к противопоставлению Батая, «владетельница дум» наших бранных парит в «для-себя-бытии», тогда как потребители ее продукции – в «бытии-в-себе»; прямого моста между ними не наводится – «господа» мысли не взаимодействуют с «рабами» жизни.

Ввиду непрактичности, фантазмагоричности «нравственного идеализма» (Новгородцев), пронизывающего все фибры интеллигентской души, интеллигенция обслуживает только себя, точно кони в слякоть, вязнет в бездорожье незамощенного тракта – тракта безопорного умо-зрения, имеющего техническое именование – людизм – отстраненная игра ума.

Плоскости «что», «кому» дополняются релевантной *плоскостью «как»*, о которой выше высказывалось. Традиционно воплотительная плоскость «как» получает в обсуждаемом случае инверсионную редактуру особого вида – нетехнологического отображения не во вне, а внутрь. Отсюда – антикреативизм, антиактивизм, апология не переустройства (революция, реформа, инновационная инициатива), а – самокопания с торговлей богатым ассортиментом от изощенного флегматизма до изощенного же сангвинизма. Авто«мобилизация-демобилизация» – колея самостроительства интеллигенции.

Стремление к высшему благу через «нравственную тревогу» (М. Аврелий); ревнительство о «высших целях» (Гете); «сутолоку журналистики» (Волынский); «слезное видение мира» (Бахтин) и народом, и властью расцениваются не иначе как паразитизм, иждивенчество, донкихотство (от леворадикальных – Писарев, анархисты, анархо-синдикалисты, махаевцы до праворадикальных – Бурачек, Асочинский, черносотенцы – кругов), обрекавших на невостребованность поставляемой обществу «последней правды жизни».

Сведенные в систему три плоскости оформляют конфигурацию со знаковым отношением инцидентности – отсутствием попечения о «положительном мире».

Все имеет цену. По диктату умствования, людической безопорности, блуждания в заоблачных далях приходится расплачиваться. Счет выставляет мистерия перегонки идей, символической образности.

Символическая образность – вещественная нигдея; лицедействовать в ней – доподлинная трагедия. Трагедия – с горделиво выпрямленной спиной быть в человеческом мире без людей, печься о жизни без жизни, витать в «смятенном сумраке» (Гете) недостижимых высот с восходящим и ниспадающим в нем немоцартианским эмоционально-искренним позитивным духом.

Отечественная жизнь «уничтожается со святынь» (Леонов). Непростительная, недопустимая, непоправимая беда и вина русской интеллигенции – потворствование развалу, уничтожению традиционных жизненных святынь – святынь обыденного – материального – самотека повседневного существования. Последнее калибруется насквозь идеалистичными разлагающими чертами, заслуживающими отдельного поименования.

Созерцательность. Сорт «внечувственного» (как ни странно) непосредственно приобщающего к истине эйдетического познания, тематизацию которого в отечественной философии в довольно сбивчивой семантике проводили

– Степун: «...созерцание мира умными глазами (?! – без комментариев. – **В. И.**) стоит любой миросозерцательной глубины» [17, с. 94] (не удержимся от ремарки: «созерцание мира» стоит «миросозерцательности»... Глубоко. Выпукло. Тем более, если принимать: содержательно глубочайшее – формально тавтологичное);

– Франк, отстаивавший идею завязанной на эмоциональную веру сердечной мысли (прямая рецепция баадеровского: «Бог есть истина», достойная наслаждения) [1, с. 537].

Крен в дерационализацию познания (идущая от Чаадаева – Хомякова критика «самовластья» рассудка) навеивает вычурную гносеологическую модель чувственно-веровательного (ср.: Радищев: «все, что они скажут, все слабо будет в отношении моего чувства») [15, с. 17] поиска не аналитичной (научной) «истины», но синтетичной (интеллигентской) «правды» (альтернатива «истина» – «правда» концептуально оформлена Бердяевым как дихотомия дискурсивной – недискурсивной (судьбической) достоверности).

Квиетизм. Интеллигенты – интеллектуалы – правдоискатели, не борцы, не воители, не великомученики. Подобно Пигмалиону боготворят созданные мечтой образы, уповая на чудодейственное воплощение их вмешательством «высших сил», как овеществление Галатеи Афродитой.

В любых, самых немыслимых раскладах, – демонстрация тонких вибраций души, социализируемых просветительством – проповедью идеалов. Так поступал интеллигент XVIII в. Пнин, так поступали его последователи – интеллигенты XX в., усилия которых оптимизировал интеллигент Бобров, предлагавший завиральную модель бытия координального, обеспечивающего гармоническое союзничество существ богоудостоверением [4].

Что до практического участия? Здесь самый повод корить Фортуны. Избранный «диктатором» восстания дворянский революционер Трубецкой не явился 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь; «руководитель» политического переворота 25 октября 1917 г. пролетарский революционер Ленин отсутствовал в восставшей столице. «Защитники» Дома Советов – поборники «свободы» Хасбулатов, Руцкой, задумавшись о «последствиях», бездарно провалили «великое» дело «сопротивления» ненавистным противникам.

Перверсивная фарсовость. По рельефному анекдоту: что будет, если в Сахаре начать строить социализм? Первые 50 лет ничего не будет, потом возникнут перебои с песком. «Не от мира сего» конструкции не имеют, не могут иметь (конечно, если не уповать на вмешательство сердобольных Афродит) практических воплощений.

Лидеры «мягкой», не «твердой» силы, оправдатели достоинства Вечного пред ликом брэнного, проводники стоицизма в слове – недеде – интеллигенты-воители – творяне озабочиваются не борьбой, а призывами к ней. «Творянство» (Хлебников) их – выдувание в трубу фарса вроде футуристических экзерциций *de novo* по выпуску стихов без мыслей (Бурлюк, Крученых, Шершеневич, Каменский), во «имя свободы» отрицанию правописания, отмене пунктуации.

Обрастание шелухой, пророческий намек, подпочвенный смысл, надрывная песня, безэнергичная энергия. И – только.

Суетные позы, театральные метаморфозы, лицедейское оборотничество *quid pro quo*, ролевость...

Главнокомандующий Керенский исполняет роль (!) главнооговаривающего. На всех ответственных партийно-государственных постах в качестве неумолчной политико-пропагандистской трещотки стрекочет Троцкий. Словообильный Горбачев забалтывает перестройку. Попов, Собчак в бытность председателей столичных Советов (мэров) предаются интервьюированию. Яковлев переходит на телевидение. *Paroles, paroles* – словоблудливые *roles, roles*. Забвение практической работы – прагматический водевиль, перверсия...

По обострению болезни вождя страной руководит тройка; по кончине его руководство переходит к коллегиальному органу в лице семерки. Во всех комбинациях за исключением неинтеллекта Сталина, функционерного (военно-медицинского) интеллекта Куйбышева страной верховодят идеалоблюстители, словоизготовители – Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский – теоретики (без нашей социально-философской, политологической квалификации) оппортунизма, ревизионизма, реформизма. Чистые идеологи. Идеалисты.

Кто строил социализм? Неидеалист Сталин. По лубочным мизантропичным, волюнтарным практицистским рецептам «взять и сделать». Рецептам, тут же дискредитируемым теми же вдохновенными платоновскими героями, врывающимися в «прекрасное грядущее» через нелепый котлован, несуразный дом культуры с отсутствующим сортиром.

Сотворение новой земли, нового неба – опять же: не без омрачающего душка, не без отягчающей фарсовой перверсивности.

Отрешенность. Проведем обострение: что дает, куда ведет основное усилие интеллигентских забот, – правдоискание? К чему пришли наши маститые разыскатели вечных начал человеческого в человеке и мире – Достоевский, Толстой?

Первый – к возврату к «народному корню», «узнанию русской души», «признанию духа народного» [7, с. 134], достижению свободы, освобождению от порабощения «хлебом», кенотизму, стремлению к царству Божию, вере в Добро, Красоту, Любовь.

Что провозглашается? Почитание непреложного, святого – основных назиданий, многочисленных «золотых правил», великих заветов.

Вещь в том, однако, что ни человек, ни человечество не живут по заветам, не исцеляют душу от скверны, не становятся на путь совершенства, не достигают «света» (в лучшем случае – «покоя»), не получают спасения – ни при жизни, ни (скорее всего) после нее. Сколько среди нас святых, праведных?.. Сколько причастных житию по евангельскому закону, Нагорной проповеди?..

Люди не живут по обоюдности – в обобщенных формулировках ни Томазия (принципы права, приличия, уважения), ни Райнера (правила вчувствования, автономности, взаимности). Люди живут по целям и не умеют жить по ценностям [9, 10, 12].

Все мы – русские, россияне, как все люди, – везде, всегда пытаемся постичь народные корни, народную душу, освободиться от порабощения «хлебом» (тем более – «с маслом» – проклятие «золотого тельца», Мамоны), устремиться к царствию Божию (в себе и вне себя), поверить в идеал, идеальное... Но кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь добился желаемого, достиг сокровенного?

Вдумаемся: почему «Красота» спасет мир? А как же – Добро, Любовь, Надежда, Милосердие, Сочувствие, Польза... Красота, как таковая, – не самоцельна; легко просматривается «страшная, ужасная, разрушающая» красота (в тех же коллизиях «Идиота», «Братьев Карамазовых»); можно ведь начинать с идеала Мадонны и кончать идеалом содомским. По остроумной реплике Зеньковского, – не красота спасает мир, – красоту в мире спасти надо [8, с. 278].

Заявляемый Достоевским идеальный профиль национальных реалий – зыбок, неуниверсален; востребует всемерной детализации в части расстановки гражданских сил, вывода на равнодействующую между народом и властью, властью и интеллигенцией, интеллигенцией и народом; достижения баланса противодействующих тенденций консерватизма – либерализма; монархизма – республиканизма; аристократизма – демократизма; традиционализма – модернизма и т.п.

Достоевский раздвигает, углубляет «метафизический» (Флоровский), но не практический опыт; его искренние призывы к носителям человечности «собраться вместе» слишком отрешенны, чтобы сложиться и состояться, выступить действенными правилами для руководства ума.

Второй – к тому, чтобы стать адвокатом почти стомиллионного крестьянского люда в вознесении ненасилия, справедливости, любви, добра, святости – опять же извечных идеалов, предметов поклонения, практическая прививка которых (до чего у Достоевского не дошло) в его случае обернулась персональной драмой – разобщением с государственной, церковной (синодальное 1901 г. решение об отлучении) организацией.

Как ни неловко говорить, Толстой уяснял, но не уяснил путь народный; вопреки мнению классика, – не стал и не мог стать «зеркалом» русской революции. Потому, что: во-первых, не знал пути решения народного – земельного вопроса (оставаясь латифундистом, получая с земель 600 тысяч годового дохода); во-вторых, оказывался не в состоянии отображать взгляды народа, не имевшего отчетливого понятия о принципах решения своего назревшего вопроса.

Отслеживание ретроспективы показывает: народный – земельный вопрос не разрешился не только первой, но и последующими – буржуазно-демократической, социалистической, либерально-демократической (олигархической) русскими революциями на почти 120-летнем отрезке национальной истории.

Мужественные прямодушные искания оконтуривались сферой нравственного идеального самовозрастания: в соответствующую стратегию вписывались, ее подхватывали представители самых разных ветвей интеллигентского корпуса от Лаврова до Михайловского, от Леонтьева до Бердяева. С характерным согласием – одинаковым игнорированием социальной подкладки культивации «совершенного» в человеке как «животном политическом», на что обращал внимание маргинальный (для отечественной общественно-политической мысли) либерализм.

Удивительно сплоченное (от Чернышевского до Эрна) неприятие либерализма (в лице хотя бы Чичерина) в акцентуации гражданских начал обмена деятельностью; прав человека; ограниченной законом свободы, точно красная тряпка быку, выступавшая маркером обструкции, имело довольно внятное объяснение. Разношерстная интеллектуальная элита страны усматривала в либерализме посягательство на устои, – конкретно: национальную патриархально-монархическую органику, – искоренение общины (идол: «соборность»), ликвидацию царя (идол: «трон»), а с ними – Отечества.

Разрушение стилобата русского мира «православия, самодержавия, народности», – на такое никто из ревнителей никаких – самых отвлеченных – идей пойти не мог, потому – подвергал остракизму либерализм – прямую «угрозу» русской жизни.

Итог? Противодействием жупелу – патриархальной стабилизацией русская интеллигенция дезориентировала и власть, и народ. Одну – связыванием реформы (модернизация, инновация); другого – связыванием революции (обеспечение прав, свобод, возможностей). И с этим – теряла социальную перспективу, невольно скатываясь на обочину крайне неприятного и неприглядного явления – отщепенства.

Отщепенство. Специфическая самопроявительная, самозаявительная поведенческая ниша с блоком признаковой неопределенности (!) во всех разрядах резонансной значимости:

- топологическом: беспространственность;
- социологическом: аморфность;

- политологическом: безбереговость;
- идеологическом: неустойчивость;
- психологическом: неуверенность.

Если одним емким русским словом, – «неприкаянность» в многообразии модификаций отсутствия внутреннего стержня, – шаткость, непостоянность, беспокойность, неустроенность, оглядочность, бесхребетность.

Измеряя все высокими, бескомпромиссными мерками, русская интеллигенция *exprofesso* не служит ни правительству, ни людям. Первому – ввиду неприятия «тьмы власти»; вторым – ввиду неприятия «власти тьмы»: право без особых прав, долг без особых обременений, но право и долг как космическое призвание «срывать кожуру с планеты» (Вознесенский) – родная стихия, автономная «*terrae pondis inutile*» интеллигенции, в своем попечении всех и вся подставленной всем ветрам истории.

«Поэт в России – больше, чем – поэт»; интеллигенция в России – больше, чем – интеллигенция. «Больше» – по «судорогам и вздыханиям», «расточительной щедрости сердца» (Леонов), неуправляемой впечатлительности. В остальном... Об этом – не будем. Сохраним интригу, заслуживающую развития в другое время, в другом месте. Пока же заметим: исчисление образов, исполнение символических этюдов по «творческой свободе», на которой из всех способных творить настаивает единственно интеллигенция, безнадежно разобщает ее и с правительством, и с народом, не потакающим выпуску модельной *fiction*.

Беспроблемный способ повернуть интеллигенцию к правительству, – сделать деятельность ее ангажированной – партийной. В лобовой руко-водительной редакции соответствующую линию (на материале литературы) обозначал Ленин, обязывая проводить коммунистические интересы. В менее тенденциозной трактовке (на том же материале) подобные взгляды высказывали Сартр, Кокто, вводившие императив сделать литературу политикой [13, с. 36].

Непосредственная реакция на предложения «чур-чур», памятуя о неизбавляемом прошлом, в общем, легковесна. Суть в том, что творческий продукт деятельности интеллигенции должен обслуживать жизнь, быть жизнеемким.

О вырожденности подчинения творчества партии-правительству говорить не приходится; предмет заботы – подчинение творчества жизненным, гражданским потребностям. В таком толковании дело интеллигенции превращается в заинтересованное общесоциальное – политическое – дело. Ничего порочного в этом нет.

Между тем решение повернуться лицом к жизни, народной политике принимает не кто-нибудь, а интеллигенция. Иначе – насилие без достоинства и искренности, а с ним – конец свободы творчества и... интеллигенции. Здесь – сложность.

Решение стать прожизненно-пронародной не из числа спонтанных, плавных; без всяких зарокных исповеданий, – интеллигент-творитель предается само-служению, прилежно обслуживает притяжательное – «святое» в своем понимании, необходимо причастное идеально собственному и собственно идеальному. Совпадет оно со злобой народного дня, к штыку приравнивая перо (любой инструмент самовыражения), интеллигент становится человекозащитником (ср.: чеховская реакция на выступление Золя по обвинительному делу Дрейфуса: «Словно свежим ветром повеяло»), народозаступником (духоподъемный пафос антифашистской борьбы в период II мировой войны, Великой Отечественной); не совпадет – интеллигент отправляется в разведывание самодостаточного послевкусия завораживающего его событийного на широком фарватере от «субъективной эпопеи» – «все в субъекте – не в объекте»

(импрессионизм, лучизм, сюрреализм, формализм и т.д.) до «объективной эпопеи» – «все в объекте – не в субъекте» (натурализм, социологизм, биологизм, реализм и т.д.). С безоговорочными предпосылками

- антифинализм – открытость символического обретения с отсутствием «завершающей» точки:

Господи, прошу, последней тайны
Никогда не дай мне разгадать
(Терапиано);

- нескованность мыслетока, вытекающая из потребности творить «только из сердца» (Толстой). Как замечал Гофман: «Наипервейшее условие всякого творчества... есть та добрая непритязательность, которая единственно и способна согреть сердце и дать благотворное побуждение духу».

Творческая незавершенность и беззатруднительность, духовное благородство и непринудительность, – «озорливые колдовские силы» (Гофман) интеллигентского, как бы сказал Вольтер, возделывания сада.

Если мудрость человеческая – в том, чтобы приспособиться к любой человеческой глупости, способна ли интеллигенция в своих аутентичных лимитах проявлять мудрость – приспособляться к импульсивности власти, инертности народа? Как вытекает из сказанного, – решительно нет. *Ex definitio* в своих суверенных занятиях – образно-символических исканиях – интеллигенция свободна, независима, и тем – ценна: в обществе должен быть работоспособный слой самостоятельно, непредвзято мыслящих; в противном случае – застой, казарма.

Между тем наличие спонтанных непредусмотренных степеней свободы у отдельного (отделенного) элемента даже такой динамичной системы, как общество, представляет опасность. Непредсказуемость, неподконтрольность выбросов «яйности», нарушающая правило фаз, выводит систему из состояния равновесия (где все участвующие во взаимодействиях силы взаимно уравновешены). Особенность социальной ситуации заключается в том, что с точки зрения физической (силовой) картины, свободные действия интеллигенции обрекают на неустойчивость любое достижение режима искомого равновесия: вследствие идущих из интеллигентской среды возмущающих влияний любое сколь угодно малое отклонение от положения равновесия влечет сколь угодно большое от него удаление. Система утрачивает стабильность, становится хаотичной, неконтролируемой, турбулентной.

Флуктуационность – изнанка творческой свободы! Но такой модус самоактуализации привилегированного общественного слоя претит и власти, и народу.

Возникает охранительная подозрительность с хорошо просматриваемой тенденцией оседлать, приручить, обуздать непокорность гордыни, осложняющей жизнь «коварным» (в глазах менее эпатажных социальных агентов) изменчивым, неуступчивым норовом.

Стремление взнуздать наталкивается на контрстремление вздыбиться; усмирение натывается на всплеск своеволия... Связываться с интеллигенцией – точно сдирать шкуру со свиньи: шерсти мало, визгу много. Себе дороже.

Реакция власти – «разбор полетов» с непременным навешиванием уничижительных ярлыков: «вшивая» (Ленин); «паршивая» (Сталин); «сопливая» (Горбачев) и последующим «величайшим» прощением, изгнанием, изоляцией, осуждением, уничтожением. Реакция народа – невразумительное «одобряем-с»: мужику сказали, мужик сделал. Что, почему, зачем, с какой

статьи?.. Для остроты! Эксцентричный мэтр, – некарманный Немирович-Данченко кому-то нужен?

Как с горечью в голосе высказывал Градский, в России любят поэтов, преимущественно дохлых. Буквально о том же – Высоцкий:

Где дух? Где честь? Где стыд?

(на версификацию данных столпов человечности претендует только интеллигенция).

Где свои, а где чужие?

(свои – «согласные», «чужие» – фронда).

Как до этого дожили,

(не «дожили», а исстари «жили»).

Неужели на Россию нам плевать?!

(власть и народ единятся в крайностях потери «всего» и «вся», в остальном – волны различно-презрительных отношений координируются с циклами (всплески – спады) политической конъюнктуры в зависимости от трактовки России, – в измерении «власть»: «вязанки дров» на костер мировой революции: Ленин: «На Россию мне плевать», она – «топливо...»; «дойной коровы»: плеяда ельцинских выкорышек от Чубайса, Коха до когнатов семибанкирщины; в измерении «народ»: засилье мелких бесов, деградированных дьяволов – «фертов» в безудержной мужицкой натуре, готовой на любой отчаянный бесшабашный погром: как в «Русском лесе» подытоживает купец Кнышев: не жалея Россию – «трать, руби... хлеще вырастет!» (Вырастет ли? Когда? Как? С какими лишениями?..))

Власть, народ востребуют определенности, нехватка которой – маркер незрелости, гражданской несосредоточенности. Является ли прямым делом интеллигенции обслуживать (по ее – угождать!) власть, народ? Как подчеркивалось – не является: за пределом ортопедии ангажемента интеллигенция – символически блуждает, уподобивая свои знаковые разыскания брошенному в пучину испытаний метафизическому судну, без руля, ветрил мчащемуся по бездне переживаний (рельефная картина, используемая Феогнидом, Горацием, Пушкиным, Лермонтовым, Лонгфелло, Рембо и др.). «Пьяный корабль» – где его вожденная пристань?

Опуская «смятение чувств», – Уитмен воспевал «мировую демократию»; Бубер противился организации еврейского государства (на чем настаивал Сталин)... С позиций и власти, и народа – дичь!

Наши соотечественники-интеллигенты? Не ушли дальше. «Новопреставленные» с ФП (и им подобные) скитались в соснах:

- христианского социализма (Бердяев, Булгаков, Франк, Скобцева);
- соборного индивидуализма (поздние символисты);
- народоправства (Чулков, Свенцицкий, Эрн) etc.

По восприятию и власти, и народа – такая же дичь, – фантазмагория, достойные лечения бредни!

Совесть нации – народ; интеллигенция – выразитель национальной совести. Осуществление высочайшей миссии зиждется на попечении об общественной почве, выпестовавшей социальной среде. Но последнее заказано духовным эскапистам, выполняющим партию *figurandi*. В атмосфере «распада и катастрофы» (Ходасевич) нельзя упиваться «музыкой небес» (Ладинский). Подмена триумфа жизни триумфом мечтательных метаний – досадно-опасная, непростительная ошибка (и вместе с тем – трагедия) отечественной интеллигенции, осуществившей великий исход из национального мира, предопределивший невосполнимый разрыв

с властью, народом, а с тем – невозможность выполнения собственного благородного призвания и – самоутрату.

Умствование. Естественный спутник разрыва с почвенным лоном, – разворот в сторону исчисления отвлеченностей, людических модельных занятий – *coria verborum*, – попросту – краснобайство.

Для фальшивого фарша – все сгодится. Стилиевые изыски пасуют при необходимости как-то квалифицировать концептуальное кредо искателей с ФП. Дух не реальных преобразований, а идеальных преображений, имплицитовавший программу «самообновления», пропитал, заполонил магистраль эволюции – «благодатное просветление душ» [14, с. 579].

Пред ликом бесконечного – трудно самоутверждение. И здесь – ввиду безбрежности идейных выкладок – воображение отстывает.

Антирадикализм (от Толстого до Бердяева) – покорный бунт (непротивление), мятеж на коленях (ненасилие), – энергия несовершенства поступков перегонялась в использующую апофатическую логику (логику отрицания несовершенства действительности) не демократическую (!), но агиографическую мечту.

Общественная тоска, «неясная и тупая» (Короленко) нашла выход в велеречивых *tourdeforce*, получая смутный облик нечетких конструкций (ограничимся фиксацией без интерпретации):

- Степун: теория истины как излучения достоверности, имеющей чувственную констатацию;
- Франк: постижение всеединства в «непостижении» [20];
- Яковенко (самоквалификация): трансцендентально-интуивистический плюрализм, или трансцендентально-онтологический критицизм;
- Булгаков: «религиозный материализм», горнее и долнее опосредствующий метафизикой софиологии, всеединства;
- Бердяев: мистерия «свободы», неподвластная «богопознанию»;
- Гершензон (единственный невысланный из компании веховцев, ставший впоследствии первым председателем Всероссийского союза писателей): испытал влияние Карлейля, апологетизировал культивацию творческих личностей;
- Лосский: свою систему именовал «органический конкретный идеал-реализм», где гносеология переходит в онтологию;
- Белый: «...мировоззрение мое... ни монизм, ни дуализм, ни плюрализм, а плюро-дуо-монизм», – доподлинно ребус, остающийся таковым с пояснением: то есть «пространственная фигура, имеющая одну вершину, многие основания и явно совмещающая в проблеме имманентности антиномию дуализма, но – преодоленного в конкретный монизм» [3, с. 188].

Избегая комментариев, универсализируем суждение Степуна, высказанное о Белом, но применимое к аттестации деятельности всех подобных ему по интеллигентскому цеху: Белый (все они) «всю жизнь носился по океанским далям своего собственного Я, не находя берега, к которому можно причалить» [17, с. 160].

В исканиях – безбереговость:

- теоретически: «безыскусность мысли», подавленной молохом «мысленной безыскусности», о чем, кстати, – сам Белый, призывавший к размышлению до блестящей «искры из глаз» [2, с. 152] (подобные траты ума не то, что экзотичны, – патологичны);

- практически: «безыскусность действия», подавленного молохом «действенной безыскусности»; о чем, кстати, – он же, призывавший к учреждению ассоциации «лабораториеских опытов строительства жизни» (ср. с новоявленными экспериментаторами из числа «ищущих» с Рублевки, проводящими тренинги по «дыханию матки» в кругу продвинутых носителей маскулинности).

«Болезнь интеллигентской мысли» (Федотов) – четвероякая.

Во-первых, используя мысль Стриндберга, – «великомученичество индивидуализма», изготовляющего вещество жизни вне реторты мировой истории, – в минутном профиле

...тех (невзятых. – **В. И.**) высот,

Где восходя и ниспадаю,

(анахоретский. – **В. И.**) ...дух страдает и живет

(Ходасевич).

Во-вторых, великомученичество утопизма, уповающего на то, что «стихи и звезды остаются» (Г. Иванов). Однако же – какое отдохновение дает движение в образном мире, «среди людей никогда не бывших, выдуманных...» [6, с. 87]. (Аналогичную проблему на стыке веков – несколько раньше визионеров ФП – поднимал упоминавшийся Стриндберг в произведениях «Утопии в действительности»; «Соната призраков»).

В-третьих, великомученичество гамлетовского колебания, подрывающего постулат *aequumemento rebus in arduis*, о чем точно – Гете:

Тот, кто в смутное время сам колеблется духом,

Зло умножает и средства ему дает разрастаться.

В-четвертых, великомученичество скитальчества. Дабы слиться с миром, открыть его (не лабораторную) тайну, Фауст пустился в странствия. Его выбор – выбор самоутверждения и – обретения. Неприцельное блуждание интеллигентщины не связано с монструозной высылкой; оно – *modusviviendi* индукторов *ignisfatui*, подстрекających к опустошающему символическому бродяжничеству.

Буффонадная героика отчаянного, младенчески незрелого бесцельного искательства, однако, саморазоблачительна, граничит с паясничеством, чревата накоплением некомпенсированного всеразрушающего вреда:

Никакой нет сладости «все потерять»,

Никакой нет радости «скитальцем стать»

(Г. Адамович).

Отступничество. Трактующее в терминах непрямолинейного духовного перерождения (как то проделывал Ленин, клеймивший персональную эволюцию «от марксизма к идеализму» того же Булгакова хлестким «ренегатством»), но сюрреалистичного отпадения от реальности.

В ситуации тотального кризиса, развала ценностных опор существования, когда твердь земная буквально уходила из-под ног, чего ожидали от размышляющей публики, просвещенного слоя? Взлета ума, полновесности, гибкости интонаций, тончайших движений выверенных чувств, способных указать путь, дать ориентиры, содействовать преодолению невзгод, суровых испытаний войны, революции.

Чем на запросы дня, потребности времени отвечала интеллигенция? Если одним емким словом, то – разодолжительством: неприятно удивляющим, потрясающим, так сказать, некий новый равнодушием к положительным реалиям, всплеском нерасчетливой жизнеотстра-

ненности. Опуская интригу, предметом мыслительных забот оказывались вопросы не практического социального созидания, устройства «сего мира» (такую вариацию модельного осмысления Булгаков отвергал как разновидность духовной гордыни – модификацию «старого иудейского лжемессианизма») [5, с. 348], но проблематика «не от мира сего» в лице метафизической сюжетики мира в Боге, всеединства, софиологии (споры о Софии).

Что давали беспоследственные упражнения мысли? С позиций высокой теории – уяснение родового призвания: если человек – «малый архитектор» (Лейбниц) заменяет, замещает, вытесняет «великого архитектора» (ортодоксальный теологический креативизм) в творении мира (с момента включения естественного природного процесса в техно-, социоморфное искусственное культурное зодчество), актуализируется тематика «творение и грехопадение» (в западноевропейской философии разрабатываемая Бонхеффером) [23–25], превращение Теодицеи в Антроподицею [11].

Если призвание человечества – мирозидать, сотворять сущее, оно становится онтологическим фактором *prima*, подрывая непререкаемые прерогативы создателя. Это одна сторона дела. Вторая заключается в оправдании существа творения. Если и всеблагий, всеведущий, вездесущий Всевышний представил продукт премудрого творения с изъяном, не обеспечив его от досадного физического, нравственного уродства, то какую ответственность берет на себя далеко не совершенное человечество (исходно – также плод творения), рядясь в тогу человекобожества, но руководствуясь при этом партикулярными (эгоистическими) – невселенскими целями (не ценностями!).

Проблема всеобще-всесущей острастки-оснастки родовой продуктивности – центральная, подводит к необходимости действенного контроля насущного миротворчества.

В анналах философии запечатлены многообразные рецепты, линии ее рефлексии и снятия. Не отвлекаясь от главной задачи изложения, – позитивный макет, с каким выступили корифеи отечественной философии (конца XIX – начала XX в., а в их числе – Соловьев; С. Н., Е. Н. Трубецкие; Лосский; Франк; Флоренский; Булгаков; Карсавин и др.), – подчинить человекобожество (неуемность дерзания *homo*) богочеловечеству; укротить «выпуск» сущего контролем десницы Божией – вочеловечиванием Иисуса в роде и индивиде (неизменное самосовершенствование, гуманитарный рост).

Западная философия с Ницше к Бонхефферу поворачивала в сторону теологии «Смерти Бога»; русская философия с Достоевского к Франку поворачивала в сторону теологии «рождения – возрождения Бога в нас», – Бог «есть истинный Бог... как богочеловек» [21, с. 509].

В таком преломлении оригинальными модуляциями обогащалось звучание традиционной партии отечественной культуры – партии исторической миссии, вселенского назначения России, очищающей человечество от скверны нигилизма, релятивизма, скептицизма, инструментализма, бездуховного безверия.

Борьба за сохранение, поддержание святынь – устойчивый и аутентичный лейтмотив гуманитарных исканий российской интеллигентской элиты, отличающий миропонимание:

- славянофилов: крепящих национальный дух на соборности, вселенскости, кафоличности, благодати взаимной любви [22, с. 101];
- Достоевского: безбожие произвола свободы опасно, – опасно невыверенностью, пустотой всеразрушительства («Подросток», «Бесы»);
- Соловьева: божья воля осуществляется через согласное человеческое всеединство [16, с. 250];
- С. Трубецкого: любовь пронизывающая соборное сознание [18, с. 592];

- Бердяева: преобразование свободы жертвой Христа, божественной любовью;
- Булгакова: динамический принцип интерпретации мировой истории как богочеловеческого процесса; тварное бытие – богоподобно;
- Флоренского: антиномичность в действительности преодолевается подвигом веры, любви, обожения человечности.

Поиск «высшей правды»! Завораживает? Несомненно. Уяснение человеческого места во вселенской истории сродни духовному подвигу, на совершение которого претендовали философские столпы отечественной интеллигенции, манкируя при всей этой смете запросы реальной действительности.

Их усилиями ток русской жизни и русской мысли разводились по самостоятельным несопряженным руслам, предрешая плачевный итог выработки «русского пути».

На данном основании понятна опасность отступничества – невольного отказа от прямой задачи интеллигентского слоя – культивировать потребное сущее.

«Не замкнулся еще... русский путь, – ободрял Флоровский. – Путь открыт, хотя и труден. Суровый исторический приговор должен переродиться в творческий призыв, несделанное совершить» [19, с. 520]. Суровый исторический приговор (с участием как власти, так и народа) был вынесен. С перерождением «в творческий призыв, несделанное совершить», к великому сожалению, ничего не вышло!

Литература

1. Баадер Б. Из дневников // *Эстетика немецких романтиков*. М.: Искусство, **1987**. 736 с.
2. Белый А. *На перевале*. Берлин, **1923**. 199 с.
3. Белый А. *На рубеже двух столетий*. М.: Земля и Фабрика, **1930**. 499 с.
4. Бобров Е. А. *Бытие индивидуальное и координальное*. М., **1900**.
5. Булгаков С. Н. *Православие*. Париж: YMCA-Press, **1965**. 403 с.
6. Бунин И. А. *Собрание сочинений в 5 т.* М.: Правда, **1956**. Т. 4. 470 с.
7. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, **1980**. Т. 21. 551 с.
8. Зеньковский В. В. *Русские мыслители и Европа*. М.: Республика, **1997**. 368 с.
9. Ильин В. В. *Аксиология*. М.: Проспект, **2021**. 192 с.
10. Ильин В. В. *Метафилософия. Поэтика философии*. М.: Проспект, **2021**. 160 с.
11. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М.: Проспект, **2016**. 272 с.
12. Ильин В. В. *Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен*. М.: Проспект, **2022**. 104 с.
13. Кокто Ж. *Портреты – воспоминания*. М.: Известия, **1985**. 160 с.
14. Новгородцев П. И. Восстановление святынь // *Об общественном идеале*. М.: Пресса, **1991**. 559 с.
15. Радищев А. Н. *Путешествие из Петербурга в Москву*. М.: Эксмо, **2019**. 224 с.
16. Соловьев В. С. *Собрание сочинений*. СПб. Т. 3. 387 с.
17. Степун Ф. *Встречи*. М.: Аграф, **1998**. 256 с.
18. Трубецкой С. Н. *Сочинения*. М.: Мысль, **1994**. 816 с.
19. Флоровский Г. В. *Пути русского богословия*. Киев: Христиан.-благотвор. ассоц. «Путь к истине», **1991**.
20. Франк С. Л. *Непостижимое // Сочинения*. М.: Правда, **1990**. 608 с.
21. Франк С. Л. *Сочинения*. М.: Правда, **1990**. 608 с.
22. Хомяков А. С. *Полное собрание сочинений в 8 т.* М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, **1907**. Т. 2. 550 с.
23. Bonhoeffer D. *Akt und Sein*. В., **1931**.
24. Bonhoeffer D. *Communio Sanctorum*. В., **1927**.
25. Bonhoeffer D. *Gemeinsames Leben*. В., **1938**.

Поступила в редакцию 08.10.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.5.1

**Intelligentsia in National History: on the 100th anniversary
of the “Philosophical steamship”: Part II: Controversy:
the intelligentsia – the government, the people.
The seal of orphanhood**

© V. V. Ilyin

*Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Kaluga branch)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

Continuing the responsible conversation opened by the article in the previous issue of the journal about the role of the intellectual stratum in national history, the author analyzes in detail such specific properties of the Russian reflecting public as contemplation, quietism, farcism, detachment, reasoning, renunciation, entailing disappointing self-destructive apostasy. The careless humanistic release of speculative ideas, life-unencumbered symbols, stimulating wandering through the snares of “moral idealism”, radically separated the zeal for the “higher” destinies of the intelligentsia from the service of the concerns of the “current” day of the government, the people.

Keywords: intelligentsia, government, people, prospects of consensus.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Intelligentsia in National History: on the 100th anniversary of the “Philosophical steamship”: Part II: Controversy: the intelligentsia – the government, the people. The seal of orphanhood // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 5. Pp. 320–333.

References

1. Baader B. *Estetika nemetskikh romantikov*. Moscow: Iskusstvo, 1987.
2. Belyi A. *Na perevale [On the pass]*. Berlin, 1923.
3. Belyi A. *Na rubezhe dvukh stoletii [At the border of two centuries]*. Moscow: Zemlya i Fabrika, 1930.
4. Bobrov E. A. *Bytie individual'noe i koordinal'noe [Individual and coordinal being]*. Moscow, 1900.
5. Bulgakov S. N. *Pravoslavie [Orthodoxy]*. Parizh: YMCA-Press, 1965.
6. Bunin I. A. *Sobranie sochinenii v 5 t. [Collected works in 5 volumes]*. Moscow: Pravda, 1956. Vol. 4.
7. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1980. Vol. 21.
8. Zen'kovskii V. V. *Russkie mysliteli i Evropa [Russian thinkers and Europe]*. Moscow: Respublika, 1997.
9. Il'in V. V. *Aksiologiya [Axiology]*. Moscow: Prospekt, 2021.
10. Il'in V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii [Metaphilosophy. Poetics of philosophy]*. Moscow: Prospekt, 2021.
11. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolutov. V poiskakh causafinalis [Theory of knowledge. Philosophy as justification of absolutes. In search of causa finalis]*. Moscow: Prospekt, 2016.
12. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen [Philosophy of crisis. Humanity on the verge of catastrophic changes]*. Moscow: Prospekt, 2022.
13. Kokto Zh. *Portrety – vospominaniya [Portraits - memories]*. Moscow: Izvestiya, 1985.
14. Novgorodtsev P. I. *Ob obshchestvennom ideale*. Moscow: Pressa, 1991.
15. Radishchev A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [A journey from St. Petersburg to Moscow]*. Moscow: Eksmo, 2019.

16. Solov'ev V. S. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. SPb. Vol. 3.
17. Stepun F. *Vstrechi [Meetings]*. Moscow: Agraf, **1998**.
18. Trubetskoi S. N. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Mysl', **1994**.
19. Florovskii G. V. *Puti russkogo bogosloviya [Ways of Russian theology]*. Kiev: Khristian.-blagotvor. assots. "Put' k istine", **1991**.
20. Frank S. L. *Sochineniya*. Moscow: Pravda, **1990**.
21. Frank S. L. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Pravda, **1990**.
22. Khomyakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 8 t. [Complete works in 8 volumes]*. Moscow: tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K°, **1907**. Vol. 2.
23. Bonhoeffer D. *Akt und Sein*. V., **1931**.
24. Bonhoeffer D. *Communio Sanctorum*. B., **1927**.
25. Bonhoeffer D. *Gemeinsames Leben*. B., **1938**.

Received 08.10.2022.